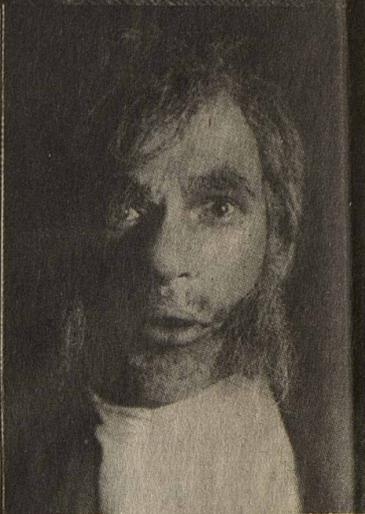

юбилей

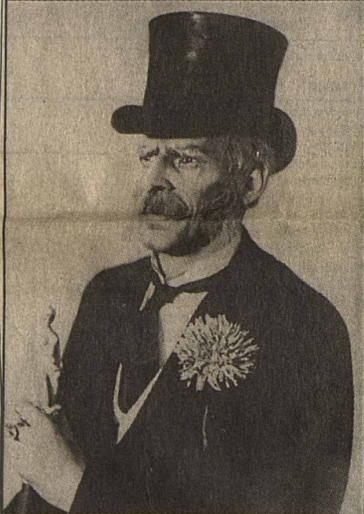
100 лет Николаю Черкасову

«ЛГУН» — в роли АЛЕИО

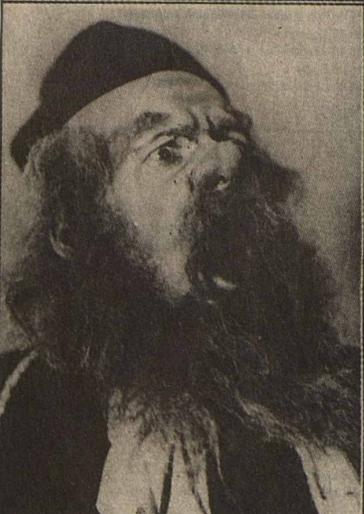
«РЕВИЗОР» — в роли ОСИПА

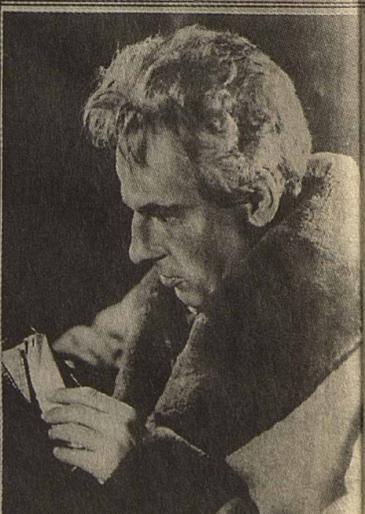
МОЛБЯ О ЖИЗНИ — в роли МАССУБРА (старшего)

«ПЕТР ПЕРВЫЙ» — в роли ПЕТРА

БОРИС ГОЛУНОВ — в роли ВАДААМА

НОРА — в роли КОДРЕСТА

ЧУЖОЙ РЕБЕНОК — в роли ПЕРЧАТКИНА

«ЛЕНИН» — в роли ГОРЬКОГО

Галерея ролей Николая Черкасова, сыгранных в Александринке

Газета 2003-15 июля с.ч. «эксцентричная манера-то мне присуща, а вот фигу надо опровергнуть»

На фото справа: съемочная группа «Весны» в полном составе в Праге в 1946 году; в центре: декабрь 1959 года Пабло Неруда, Илья Эренбург, балерина Ирина Тихомирнова, Жоржи Амаду, Асаф Мессерер, Михаил Жаров, Иван Козловский, Николай Черкасов; на фото слева: в Каннах в 1957 году с Изольдой Извицкой и Григорием Чухраем, ставшими героями фестиваля с фильмом «Сорок первый»

В воскресенье исполняется сто лет со дня рождения культового актера советского кино Николая Константиновича Черкасова, сыгравшего в лучших фильмах Эйзенштейна, Александрова, Козинцева. К этой дате **Газета** публикует неизвестные истории из жизни любимца публики и партийных властей, собранные режиссером Юрием Сааковым.

Пат против Еремки

...По поводу 3-й годовщины Октября в Мариинке шла опера Серова «Вражья сила» с Федором Шаляпиным в роли Еремки. В толпе на заднем плане 17-летний статист Коля Черкасов изображал балаганного зазывалу, делая то, что и положено по роли: забавлял народ. В ход были пущены все ужимки и фортели, которыми тогда располагал Николай и часть которых потом вошла в классический эстрадный номер «Пат, Паташон и Чарли Чаплин». Вместе с «народом» на сцене начала хотатать и публика. Шаляпин, чувствуя, что внимание переключается с него на кого-то еще, в гневе моргнул за кулисы режиссеру: «Убрать!» Тот побежал к помосту, на котором стоял черкасовский зазывала, и, схватив его за ноги, сдернул по лестнице вниз. На следующий день чуть не сорвавшего ему спектакль молодого баламута Шаляпин потребовал к себе. И у «баламута», увидевшего возлежавшего на диване и курившего Шаляпина, хватило наглости попросить: «Федор Иванович, одолжите папироску!» Шаляпин одолжил и сказал: «А теперь, юноша, покажите, что вы там вчера за моей спиной вытворяли?» Черкасов с удовольствием продемонстрировал все, что «вытворял», и даже больше. Шаляпин катался от смеха, пробовал сам изображать нечто подобное, но у него ничего не получалось. «Договоримся так, молодой человек: вы мне не мешаете, а я вам не буду мешать», Черкасов, уверенный, что вчерашний спектакль был для него последним (оттока и наглость с папироской), остался в театре.

гробовщик вместо Невского

Приехавшего перед войной с гастрольной поездкой в Дальневосточный военный округ Черкасова на вокзале встретил почетный караул. «За караул, конечно, спасибо», — сказал актер Ивану Коневу, командующему 2-й Дальневосточной армии, в расположении которой прибыл, — но ни профессора Полежаева, ни «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!» Александра Невского я читать не буду». Командарм изумился — только на такой поднимавший боевой дух репертуар он и рассчитывал. «Со мной, с вашего позволения, приехала жена, артистка Нина Вильбрехт, — представил ее Коневу Черкасов. — И мы приготовили для этой поездки старый, пропахший, можно сказать, нафталином скетч некоего Сударышкина «Первый случай». «Скетч?!» — Конев решил, что его разыгрывают. Но когда вместе с катавшимися от смеха солдатами своей армии командарм смотрел скетч «некоего Сударышкина», то смеялся вместе с ними. В скетче героиня, ожидавшая портного, принимала за него агента похоронного бюро, который ошибся адресом и пришел снять мерку для гроба. Заменяя неожиданно уехавшую сестру, заказавшую шить пальто, героиня предлагала снять мерку с нее: у нее с сестрой одинаковые фигуры. Черкасовский гробовщик с единственным захваченным в гастрольную поездку реквизитом в руках — «сантиметром» — был, насколько это возможно в его профессии, деликатен, говорил обидными и не желал травмировать несчастную родственницу, но приходил все в большее изумление от ее просьб измерить ей плечи и талию. Героиня, в свою очередь, тоже недоумевала: слишком уж странно вел себя «портной». «Вот начнется война, — откровенно выложил Черкасов Коневу, — буду читать вашим солдатам и «Полежаева», и «Невского», поднимать их воинский дух. А пока вы еще не повели их в атаку, пользуйтесь любым случаем, чтобы поднять своим подчиненным настроение».

Орлова на коленях

Если Черкасова спрашивали о незабываемом моменте в его жизни, он отвечал: «Когда Любовь Петровна Орлова бухнулась передо мной на колени». И рассказывал, как долго Орлова и Александров пытались его «заарканить» на роль режиссера в «Весне». «Нет, ни за какие коврижки! — не соглашался актер. — Играть мне там совершенно нечего». На какое-то время Орлова и Александров отступались, пробовали снимать в роли режиссера Бориса Тенина, даже Бориса Бабочкина. — и опять возвращались к Черкасову. Когда после очередного роскошного по этому поводу застолья актер сказал все-таки категорическое «нет!», Орлова вдруг упала перед ним на колени: «Только вы можете сыграть этого «неинтересного» режиссера так, как нужно мне и Грише. Вы с Гришей сделаете из него чудо. Я умоляю вас!» После такого монолога я, конечно, сдался. — признавался Черкасов, — и, по правде говоря, не пожалел...» Однако на вторую, не менее настойчивую александровскую просьбу Черкасов не поддался. Александрову вместе с Охлопковым была доверена постановка торжественного концерта к 70-летию Сталина в Большом

театре. И всем, кто отвечал за это гигантское мероприятие, страшно понравился придуманный Александровым ход: номера концерта, выступая в роли обычных конференсье, должны были объявлять известнейшие артисты, званием не ниже народных РСФСР. Сам Александров счел для себя за честь объявить открывающую концерт «Песню о Сталине» Ваню Мурадели. Естественно, режиссер не захотел лишиться такой чести и украсившего его «Весну» Николая Черкасова. И стал называть ему в Ленинград, предлагая любой, на выбор, «юбилейный» концерт: — Как? Просто выйти и объявить? — не понял артист. — В том-то и соль, что «просто выйти и объявить» номер перед товарищем Сталиным почитают для себя за честь и Тарасова, и Марецкая, и твой покорный слуга! — Может, это и честь, но зачем мне мелькать в такой вечер дважды? — отнекивался Черкасов. — Я же поздравляю Сталина от Ленинграда. — Тем логичнее, если ты объявишь потом посвященный Ленинграду «Гимн великому городу» Глиэра, а его исполнит оркестр под управлением твоего друга и земляка Мравинского. — Все вроде так... — мнется Черкасов. — И все-таки извини, Гриша, но обойдись без меня. «Гимн великому городу» объявлял Игорь Ильинский.

«партизанская» война

По натуре Черкасов не был злопамятным. Но творческих обид не прощал никому. Когда великий актер-эмигрант Михаил Чехов возмутился тем, что натворил Сергей Эйзенштейн с Николаем Черкасовым в «Иване Грозном», как они исказили само понятие русской школы реалистической игры, Черкасов, вероятно, из уважения к племяннику Антона Чехова, смолчал. И за него в письменном виде перед «американским» Чеховым оправдывался Михаил Ромм. Но три года спустя, когда обсуждалась александровская «Встреча на Эльбе», Черкасов не сдержался: «Русский актер может сыграть кого угодно, — сказал он. — Достаточно посмотреть на американца Названова (тот изображал во «Встрече на Эльбе» «хорошего» американского офицера. — **Газета**). А вот Михаил Чехов в американской «Песне о России» (голливудский фильм о Великой Отечественной войне. — **Газета**) не сумел сыграть даже то, что ему положено по происхождению, — старика-партизана. Смотреть на такого американского «партизана» просто неловко...»

поклон «великому Коко»

Эйзенштейн удивлял Черкасова не единожды. Но самым сильным и неожиданным впечатлением артиста стал фильм, который тот выкинул 25 февраля 1947 года в кремлевском кабинете, где его с Черкасовым для беседы о дальнейшей судьбе «Ивана Грозного» ждали Иосиф Сталин, Вячеслав Молотов и Андрей Жданов. Сразу при входе режиссер вдруг отвесил кремлевским вождам низкий, насколько это позволяла его немалая комплекция, поклон. Черкасову страшно хотелось спросить режиссера, всеерьез ли тот поклонился или слишком рискованно для такого случая паляничал — как однажды на съемках фильма, когда встретил Черкасова в гриме и костюме Грозного, кланялся артисту и говорил: «Приветствую тебя, о великий Коко! Что ты нам сегодня покажешь?» — «Я буду вам показывать убийство Старицкого», — вступил в игру Черкасов. «О, это замечательно! Я буду смотреть твоя работа!»

слепая страсть

Леонид Рахманов, автор пьесы «Неспокойная старость», по которой снят «Депутат Балтики», до конца дней не мог простить себе шутки с Черкасовым. Тот восторженно рассказал ему, как на выставке Дрезденской галереи наблюдал эпизод: у «Сикстинской мадонны» Рафаэля собралась группа слепых. «Да, да, слепых! — поражаюсь актер. — Но на их лицах я увидел отблеск восторга. Они так много знали и слышали об этой картине, что испытывали от нее тот же восторг, что и я. И ты не смеялся — мне захотелось написать об этом статью и обратиться к художникам: «Пишите, товарищи, свои картины так, чтобы даже слепые, наслышанные о них, могли в своем воображении ощутить силу вашего искусства!» Рахманов, однако же, не удержался: «Знаешь, Коля, это идея! На выставке новой живописи приводить слепых, на концерты новой музыки — глухих, а на собрания звать глухонемых...» Сострил и сам испугался, что Черкасов взорвется. Но на лице актера не дрогнул ни один мускул. «Считай, — сказал он после паузы, — что я лишь вежливо улыбнулся...»

слишком дорогой Черкасов

В 50-е годы Австралия стала проводить у себя международные кинофестивали. Официально Советский Союз, едва нормализовавшийся с этой страной дипломатические отношения, в фестивале не участвовал, но некоторые советские фильмы в Сиднее демонстрировались. И когда в 1958 году австралийцы увидели черкасовского «Дон Кихота», они послали Москве приглашение на фестиваль, с тем чтобы участвовали и один-два известных актера.

«Два в такую даль, конечно, многовато, а один, тот же Черкасов, раз его Дон Кихот так полюбили австралийцам, может слетать, — решили в Министерстве культуры. — Но так как ему потребуются переводчик, то все равно придется рассчитывать на двоих». И рассчитали: 1. Суточные — 496 инвалютных рублей. 2. Авиалеты Москва — Сидней — Москва — 12 096 руб. 3. Проезд по железной дороге Черкасова из Ленинграда в Москву и обратно — 330 руб. 4. Гостиница в Москве — 55 руб. 5. Суточные в Москве — 78 руб. Итого — 13 055 руб., из них 496 инвалютных. Увидев, в какую кругленькую сумму обойдется любовь австралийцев к Дон Кихоту Черкасова, в ЦК, без которого ничего не решалось, схватились за голову. И постановили: «В Австралии вне конкурса показывается советский фильм «Дом, в котором я живу», в котором Черкасов не участвует, а его поездка туда обойдется свыше 13 тысяч рублей. Предлагаем тов. Черкасову Н.К. послать австралийскому фестивальному комитету приветственную телеграмму, в которой выразить благодарность за приглашение и мотивировать чем-то свой отказ от поездки».

«спокойно, господа львы!»

Когда Черкасова по его настоятельной просьбе стали проваживать на роль Полежаева в «Депутате Балтики», больше всех не верил в преобразование 33-летнего артиста в старика профессора режиссер Григорий Козинцев: «У вас получается какой-то гимназический спектакль для пап и мам. Гимназист нацепил на себя бороду, чтобы папа и мама не узнали...» Однако 20 лет спустя, снимая Черкасова в «Дон Кихоте», Козинцев был уже совсем иного мнения о способностях актера. Когда один из монологов Дон Кихота Черкасов произносил перед клеткой со львами и те начинали проявлять положенное хищникам агрессивное беспокойство, Козинцев кричал им: «Спокойно, господа львы! Черкасов вам не мясо, а величайший артист!» И на потеху съемочной группе эдакие львы внимательно этому и более или менее успокоивались.

фигу немедленно опровергнуть

Александров и Черкасов как-то делились впечатлениями о зарубежных поездках. «В Англии, — вспоминал режиссер, — одна газета написала, что я был в числе лиц, проваживавших английскую королеву (Елизавету II в 1953 году. — **Газета**) в ее первое кругосветное турне. Я пришел в редакцию и говорю, что не мог быть «в числе лиц», потому что в тот момент читал лекции в Кембридже. «Зато это поднимает ваш авторитет в глазах читателей», — ответили мне журналисты». «Со мной — еще хуже! — говорил Черкасов. — В Каннах в 51-м показали швейцарскую антисоветчину «Четверо в джипе». О совместном — советском, английском, французском и американском — патруле в послевоенной Вене. При этом трое офицеров-союзников — люди как люди, а советский — дебил. Мы возмущались, конечно, но что толку... И вдруг на одном из приемов, где я, как назло, оказался в компании с американским, английским и французским актерами, нам предложили сфотографироваться, причем на натуре, на фоне, так сказать, каннских красот. На фоне так на фоне, думаю. Но выходим и видим у подвезда... джип. Не точно, конечно, такой, на каком колесил венский патруль, но похожий. Около него нам четверым и предлагают запечатлеться. Это вы и называете каннскими красотами?! — с возмущением говорю я репортерам и вместе с англичанином, французом и американцем отказываюсь изображать «четверку в джипе». На следующий день одна газета написала об этом так: «Будто не догадываясь о провокации, Черкасов встает рядом с джипом. Поражаясь его «недогадливости», нехотя позируют рядом с ним остальные «звезды». Но в последний момент, когда фотокамеры уже готовы, как говорят русские, подвести Черкасова «под монастырь», он вдруг молча показывает им недвусмысленную, из трех пальцев правой руки, фигу и вместе с хохочущим коллегами покидает съемочную площадку». Я, как и ты, иду в редакцию этой газетки и спрашиваю: «Зачем вам понадобилась фигура?» — «Чтобы ваш протест выглядел более выразительным», — отвечают мне, — в той эксцентричной манере, которая вам присуща как актеру» — «Манера-то мне присуща, — соглашаюсь я, — но я требую немедленного опровержения». Они нехотя соглашаются и дают, как мне позже рассказали, это опровержение уже после моего отъезда, на последней странице и едва заметным петитом». «Ничего удивительного, — смеется Александров. — После моих «проводов королевы» один англичанин сказал мне: «А вы знаете, как сформулировал задачу английской прессы покойный премьер-министр Бевин? Первое — забавлять нас, второе — развлекать нас, третье — вводить нас в заблуждение».